
Перевод А. Франковского
Серия "Библиотека всемирной литературы"
М., Художественная литература, 1968
OCR Бычков М.Н.

ТОМ ПЕРВЫЙ

Tarassei touV CAuJrwpouV ou ta Pragmata,

CAlla ta peri twN Pragmatwn Dogmata

{* Людей страшат не дела, а лишь мнения об этих делах (греч.).}

ДОСТОЧТИМОМУ МИСТЕРУ ПИТТУ

Сэр,

Никогда еще бедняга-писатель не возлагал меньше надежд на свое посвящение, чем возлагаю я; ведь оно написано в глухом углу нашего королевства, в уединенном доме под соломенной крышей, где я живу в постоянных усилиях веселостью оградить себя от недомоганий, причиняемых плохим здоровьем, и других жизненных зол, будучи твердо убежден, что каждый раз, когда мы улыбаемся, а тем более когда смеемся, - улыбка наша и смех кое-что прибавляют к недолгой нашей жизни.

Покорно прошу вас, сэр, оказать этой книге честь, взяв ее (не под защиту свою, она сама за себя постоит, но) с собой в деревню, и если мне когда-нибудь доведется услышать, что там она вызвала у вас улыбку, или можно будет предположить, что в тяжелую минуту она вас развлекла, я буду считать себя столь же счастливым, как министр, или, может быть, даже счастливее всех министров (за одним только исключением), о которых я когда-либо читал или слышал.

Пребываю, великий муж
и (что более к вашей чести) добрый человек,
вашим благожелателем и почтительнейшим
соотечественником,
АВТОР

ГЛАВА I

Я бы желал, чтобы отец мой или мать, а то и оба они вместе, - ведь обязанность эта лежала одинаково на них обоих, - поразмыслили над тем, что они делают в то время, когда они меня зачинали. Если бы они должным образом подумали, сколь многое зависит от того, чем они тогда были заняты, - и что дело тут не только в произведении на свет разумного существа, но что, по всей вероятности, его счастливое телосложение и темперамент, быть может, его дарования и самый склад его ума - и даже, почем знать, судьба всего его рода - определяются их собственной натурой и самочувствием - - если бы они, должным образом все это взвесив и обдумав, соответственно поступили, - - то, я твердо убежден, я занимал бы совсем иное положение в свете, чем то, в котором читатель, вероятно, меня увидит. Право же, добрые люди, это вовсе не такая маловажная вещь, как многие из вас думают; все вы, полагаю, слышали о жизненных духах, о том, как они передаются от отца к сыну, и т. д. и т. д. - и многое другое на этот счет. Так вот, поверьте моему слову, девять десятых умных вещей и глупостей, которые творятся человеком, девять десятых его успехов и неудач на этом свете зависят от движений и деятельности названных духов, от разнообразных путей и направлений, по которым вы их посылаете, так что, когда они пущены в ход, - правильно или неправильно, безразлично, - они в суматохе несутся вперед, как угорелые, и, следуя вновь и вновь по одному и тому же пути, быстро обращают его в проторенную дорогу, ровную и гладкую, как садовая аллея, с которой, когда они к ней привыкнут, сам черт подчас не в силах их сбить.

- _Послушайте, дорогой_, - произнесла моя мать, - _вы не забыли завести часы? - Господи боже!_ - воскликнул отец в сердцах, стараясь в то же время приглушить свой голос, - _бывало ли когда-нибудь с сотворения мира_, чтобы женщина прерывала мужчину таким дурацким вопросом? - Что же, скажите, разумел ваш батюшка? - - Ничего.